

гической парадигмы. На наш взгляд, необходимо ориентироваться на указанные исследовательские направления не в качестве набора альтернатив, а как на палитру средств для теоретического воссоздания, анализа и обобщения элементов социальной структуры современного локального интернет-сообщества крупного российского города. Синтез этих двух подходов дает возможность получить более объёмное, многомерное представление о его социальной структуре.

1. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1990. С.296-297.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass; Oxford: Blackwell. 1996. P. 198.
3. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 494.
4. Там же. С. 494.

5. Зубков К.И. О миропорядке информационной эпохи: взаимодействие сетевых и пространственных структур [Электронный ресурс] / К.И. Зубков // Интернет-конференция "Информационная эпоха: мир, Россия, Урал" на портале "auditorium.ru". - Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), 2000-2002. - Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=petForm&r=thesisDesc&CounterThesis=l&idthesis=2949&PHPSID=415ae41a7ac4roe8bl9fe23b89f03fa>. - Загл. с экрана.

6. См. <http://www.e1.ru/talk/forum/index.php?f=49>, <http://www.ekamama.ru>, <http://forum.omsk.com/viewforum.php?f=94&ie=9bb15d530d5ea2ca749ba599acc09820>, <http://forum.chelpport.ru/forumdisplay.php?f=14>.

7. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. - Загл. с экрана.

8. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. - Загл. с экрана.

9. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. - Загл. с экрана.

10. Там же. <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>.

11. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. -М.: Academia, 1999.

В.Г. Богомяков (Тюмень)

ДИСКУРС БУДУЩЕГО

**Богомяков
Владимир
Геннадьевич**

доктор философских наук, профессор
Тюменского государственного университета,
академик МАДИ

К написанию этой небольшой книжки меня подтолкнули не научные исследования и не философские штудии, а чувство тревоги от того, что в нынешнем обществе исчезает будущее в его социальном, философском, культурологическом и антропологическом измерении. За всем этим просматривается в лучшем случае очень тяжёлый невротический комплекс. Я вспомнил, как восьмилетним мальчиком я мечтал о футуристических городах будущего и машинах на воздушной подушке. А в начале XX века Велимир Хлебников мечтал о ЛебЕдии будущего, где люди-творцы в своих садах станут создавать небокниги.

Беседы с нынешними школьниками и студентами показали, что процентов 80 из них будущее совершенно не интересует ни в социальном, ни в экзистенциальном измерении. Поэтому когда Sex Pistols поют «No Future!», то это можно воспринимать не как одно из проявлений депрессивно-наркоманского сознания, но как некую весьма глубокую интуицию, касающуюся сегодняшнего времени и сегодняшнего человека.

Для характеристики этого явления приходит в голову звучный термин «футурофобия». За ним видятся сложные классификации различных видов футурофобии, таксономически построенных на разных основаниях. Скажем, основании антропологическом: есть учение о разных антропологических типах, которые различаются по своему отношению к будущему и ко времени вообще. Анемофилы стремятся освободить будущее от прошлого, они верят в то, что время бесконечно, что нет предела изменениям мира; это прогрессоры, которые приветствуют любые перемены. Хронисты же, напротив, превыше всего ценят само время, так сказать, материю времени; они уверены в прошлом, а не в будущем, стремятся освободить прошлое от будущего, несущего вместе с ненавидимыми хронистами переменами

неизвестность. Или возьмём основание этнологическое: например, Лев Гумилёв пишет о разном «чувстве времени» у разных народов, склонных к игнорированию, пассивизму, актуализму или же футуризму.

Недостаточно просто признавать будущее в качестве некоего пустогоместища событий. По моему мнению, необходимо то, что, пользуясь социологическим жаргоном, можно было бы условно назвать «качество будущего». Не может быть качественным будущее, не обладающее *поразительной новизной*. Наши же взгляды отличаются зачастую крайним презентизмом: то есть, мы думаем, что будущее в своих основных чертах подобно настоящему и просто экстраполируем сегодняшние процессы в завтрашний день. Для большинства респондентов всё обозримое будущее связано с существованием Российской Федерации нынешнего образца со строем жизни, аналогичном нынешнему.

При этом дискурс будущего пессимистичен: обозримое будущее, скорее всего, плохо заканчивается либо падением на нашу голову гигантского астероида, либо вторжением китайских орд. Подавляющее большинство респондентов видят будущее России и всего мира в весьма мрачных тонах. Многие считают, что к середине нынешнего века Российская Федерация исчезнет с политической карты мира. Некоторые считают весьма возможным распад Российской Федерации на несколько более мелких государств (в духе известного прогноза Збигнева Бжезинского). Зачастую этот пессимистический прогноз связывается с ухудшением демографических показателей, с вымиранием российского населения. Мировая же политика видится респондентам в качестве сферы сильной напряжённости, постоянных конфликтов и возникновения опасных, неуправляемых хаотических процессов. Пессимистичность в сознании людей является следствием своеобразного фатализма, имеющего некое дохристианское основание; по мнению большинства от нашего выбора и от наших усилий мало что зависит и мы ни в силах изменить предначертанное судьбой.

Дискурс будущего выстраивается не из самой нашей жизни, а на основании неких «авторитетных мнений» (иногда не вполне внятных) – об этой проблеме писал в своё время ещё Мишель Фуко.

Дискурс будущего, как правило, одномерен, одновекторен, линейен. В своё время такая одномерность лежала в основании утопического сознания, готовящего для всех окончательное счастье Золотого Века, построенного по тем или иным прогрессивным концепциям своего времени. Если одномерность и однонаправленность дискурса будущего вредны на уровне страны в целом, то ещё вреднее они оказываются на региональном уровне, обуславливая, например, узко-ресурсный подход, при котором население того или иного региона с точки зрения «государственного интереса» понимается лишь в качестве сообщества добрых гномов, приставленных к нефтяной и газовой трубе, и готовых по команде сверху откручивать или закручивать вентиль.

«Качество будущего» предполагает, что перспективы человека и социума должны рассматриваться нами не с позиций утопизма, отсекающего все альтернативы на пути к единственному идеалу, но с позиций попсибилизма (термин М.Н. Эпштейна), предполагающего расширение бытия, множественность возможных миров, умножение альтернатив и разрастание смыслов. Именно такой попсибилизм и обеспечивает, по моему мнению, гуманистичность и гуманность нашего разговора о будущем. Приблизительно об этом же говорили в своей недавней беседе Юрий Сергеевич Пивоваров и Михаил Васильевич Ильин («Полис», 2010, №4). Правда речь шла о попсибилистском отношении к прошлому, что даёт политологу возможность просчитывать варианты, обозначать потенциалы, возникшие, но по той или иной причине не реализованные. Ибо в обществе никогда ничего не исчезает навсегда и то, что когда-то не реализовалось может реализоваться в будущем.

Нил Стивенсон в своей книге пытается показать некое предельное воплощение попсибилистского идеала. Его «Алмазный век» основан на системах наносборки всего, о чём можно помыслить – от искусственной пищи до искусственных островов и живых организмов. Информационные технологии и системы наносборки обеспечили единство мировой экономики и положили конец межгосударственной разобщённости. Мир стал един, но при этом социальную структуру стал диктовать индивидуальный выбор каждым человеком наиболее

симпатичного именно ему образа жизни. Каждый может присоединиться к любому сообществу, если сообщество примет его в свои ряды. Практически на одной территории могут соседствовать «фили» марксистов, руссоистов, конфуцианцев, гандистов, приверженцев бесчисленных религий и сект, сообщества открытые и закрытые, тоталитарные и либертарианские. Каждая партия или группа получила возможность на практике построить для себя (но только для себя!) свою Утопию.

В заключение следует сказать, что образ возможного (желательно качественного!) будущего является важнейшим моментом в конструировании нашей идентичности, – которая всегда имеет

множество уровней. Разные уровни идентичности могут обладать различными векторами и, соответственно, ориентироваться на разные футурологические матрицы. Перефразируя известные слова Ф.М. Достоевского о человеческой душе, как поле борьбы добра и зла, можно сказать о человеческой душе, как о поле борьбы разных дискурсов социального и индивидуального будущего. С другой стороны, общество всегда имеет дело с единым дискурсом будущего, который внутренне противоречив, может обладать различной степенью ясности и артикулированности и даёт возможность ставить цели социального развития.

Н.И. Димитрова (София, Болгария)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕИЗМ СЕМЕНА ФРАНКА

Димитрова
Нина Ивановна

Институт фило-
софских исследо-
ваний БАН, София,
Болгария

В ряду выдающихся имен русской философской мысли Семен Франк занимает очень своеобразное место. Он не обладал громкой известностью Бердяева и Шестова, но будучи вне сомнения ближе к классическому философскому мышлению, оказался, если можно так выразиться, более «конвертируемым» на Западе. Франк был спокойным и уравновешенным, отличался логически точным и удивительно глубоким мышлением, был привержен манере философствования немецкой классики и прекрасно вписывался в одну из тогдашних тенденций европейской философии, нацеленной на «онтологический

поворот». Он был и автором глубоких анализов религиозного, политического и социального утопизма, а его голос был среди немногих отрезвляющих голосов в дореволюционной России, объята апокалиптическими видениями и грезами. Вместе с тем, именно о Франке можно однозначно утверждать, что он является самым «прямойнейшим» наследником основоположника русской философии Владимира Соловьева с его духом универсализма и синтетизма. Стремление Франка философствовать синтетически проявляется и в тех специфических понятиях, которыми он обозначал свои идеи, охватывавшие проблематику разнообразных интеллектуальных направлений; таковы моно-дуализм, идеал-реализм, интуитивистский трансцендентализм, теокосмизм, транс-рационализм и т.д. Но, как отмечает немецкий исследователь творчества Франка Петер Элен (Peter Ehlen), «Франк в течении всей своей жизни не поддерживал дискуссии вокруг своего творчества. Даже те рецензии, которые появились в России после публикации его теории знания, остались содержательно бедными. Хотя с точки зрения своего формального значения философия Франка была оценена достаточно высоко теми коллегами, которые изъявили жела-